

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 9 (500)

Пятница, 15 февраля 1935 года.

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

ЧИТАТЕЛЬ ЖДЕТ НОВЫХ КНИГ

Работать! Работать много, плодотворно, талантливо. С этой мыслью запиравшие советские писатели свой «сезд», это требование многомиллионного читателя громко прозвучало с его трибуны.

Замечательные творческие условия, в которые поставлены работники советской литературы партий и правительством, мероприятия правления Союза писателей, освобождающие творческих работников от неумышленной организационной суеты и помогающие непосредственному писательскому производству, — позволяют говорить об отсутствии каких бы то ни было причин, мешающих писателю работать именно так, как этого требует социалистическая страна.

Руководство партии, личное внимание к вопросам литературы товарища СТАЛИНА настолько творчески обгащают писателей, выдвигают перед ними стольки величественных и вместе с тем ярких задач, что ни один подлинный советский писатель не может не вдохновиться на их осуществление, не может не ответить на зов своей страны мобилизацией всех своих способностей и сил, всего своего таланта. Замечательный материал нашей действительности переполняет каждого творческого работника до краев; каждый день творчество масс дает все новые и новые изумительные примеры герояизма и созидательного труда. Пере не может поспеть за всеми явлениями такой яркой, многогранной жизни, но оно облазит в волночущих образах отразить ее основные процессы.

Советские писатели, возглавляемые великим и любимым художником пролетариата Алексеем Максимовичем ГОРЬКИМ, неустанные зовущие их к повышению качества литературной работы, слышат призы своего читателя и хотят ответить на него так, как только и следует ответить: новыми, хорошими книгами. Мало, очень мало осталось таких писателей, которые после решения ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций, после исторической встречи писателя с читателем, каким был наш съезд, не отдались бы полностью творческой работе. За рабочими станками, за рукою писателя проходит сейчас творческая жизнь писателя. И как от здешнего прогулчика, на подиуме обрушивается на общественность, если она видит, что писатель предпочитает тяжелому и упорному труду за свою письменным столом богемное иконограданье, гастролерское верхоглядство, халтурный легкий хлеб.

Дневник Литературной газеты

15 февраля

Советская кинематография обогатилась новым прекрасным произведением о далах и людях социализма — фильмом «Крестьяне». Ф. Эрмлер.

Веками литература в искусстве буржуазии рисовали картины безысходной, темной деревни. И в жизни и в литературе крестьян были однажды ограничены и забыты.

В нашей стране создана новая деревня, появились новые крестьяне — колхозники. Нет же на полях, вместе с ними, вместе с заменой союзного трактором разобранных мелкобуржуазных хозяйств коллективным, уважаемы и «мэжи» в сознании крестьянин-колхозника. В борьбе и большевистском труде он выявляет «идеи» деревенской жизни, переключает себя, выявляет культурой. Колхозники-учарники, собравшиеся сейчас на второй весенний съезд, являются знатными людьми страны, передовыми борцами за дело человечества — социализм.

Кино подарило советскому зрителю новое прекрасное произведение. Советский читатель ждет таких же произведений о колхозной деревне от советской литературы.

Рост советской архитектуры, стремление поднять архитектурную и строительную культуру страны вызвало собой появление специальной архитектурной печати. За короткий срок создан специальный «Архитектурный газета», журнал «Архитектура за рубежом», развертывает свою взаимодействующую и всесоюзную Академию архитектуры (она будет выпускаться научно-исследовательская и учебная литература; работы классиков архитектурной мысли, монографии о великих зодчих и архитектурных памятниках и пр.).

Начал выходить (впервые в СССР) академический научно-исследовательский журнал «Академия архитектуры».

Являясь органом ведущего архитектурно-теоретического центра нашей страны — Всесоюзной академии архитектуры, новый журнал может и должен сыграть большую роль в деле создания полноценной социалистической архитектуры, достойной нашей великой эпохи.

Ф. Эрмлер продолжил и поднял эту работу на новую высоту. Он создал произведение о деревне сегодняшней для тех людей, которые говорят сегодня о стране с трамбунами кремлевского зала, о людях партии, обещавших победу коллективизму.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. БАГРИЦКОГО, А. БОЛОТНИКОВА М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, И. СЕЛЬВИНСКОГО, А. СЕЛИВАНОВСКОГО М. СУБОНКОВА, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧА

И. А. МИТИЛЕЛ

ВОТ ОНА, НОВАЯ КОЛХОЗНАЯ ЖИЗНЬ!

Делегат II всесоюзного съезда колхозников-ударников председатель Бессарабской краснозарейской коммуны им. Котовского (Винницкая область) И. А. МИТИЛЕЛ.

Давно мы открыли фабрику-кухню. Не думайте, похвастайтесь, что это как-нибудь деревенская постройка. Наша фабрика — это большое бетонное здание. Пропускная способность ее — 400 человек. Наша фабрика-кухня не уступит, пожалуй, многим московским. И несколько раз был в столовой Наркомзема и прямо, без всякой преувеличения скажу, что у нас не было Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным. Вдруг обидится. Нужна была бричка. А ее у нас не было. Кое-как уломали мы местного кулачка дать за несколько часов свою бритву. В ней-то и прыхал агроном. Но вот беда: пока он говорил, пока обмеряли поля, поднимали мы тогда вопрос, в чем нам привезти агронома со станции. В телеге нас казалось неудобным.

ДИСКУССИЯ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗЕ

ПУТЬ ОДИН И ОДНА ИСТИНА

М. Шагинян утверждает, что художественный образ есть прежде всего обет, который надо передать словами. Сказать, что образ это обет, — значит ничего не сказать. Ведь сам-то аргумент требует доказательства, и становится невероятным, что нужно передавать слова. Это особенно очевидно, если учсть, что к концу статьи он не полностью наполняется. Цельнейшие разяснения М. Шагиняна не вымогают изложения, в котором он стоит особняком или, в лучшем случае, наполняются механически, хотя эти различия — частично пренебрежимые и широкие по смыслу.

Можно сказать, что М. Шагинян отвечает на один вопрос, как конструкция ровет образ. В этом вопросе уже ясно видно, что первым коптируется образ — первые его яркости. Они для М. Шагиняна есть данное, в то время как образ зависит не только от того, как они будут расположены, но и от того, каков будет их природы.

Следовало бы начать с вопроса: в чем объективная возможность самого образа. И надо сказать, что эта возможность становится таковой

только тогда, когда в какой-то степени она уже есть как действительность. В данном случае нашему восприятию образа соответствует образ действительности, окружающего мира. Действительность, окунившаяся в образе, сама по себе остается ее яркими. Они для М. Шагиняна есть данное, в то время как образ зависит не только от того, как они будут расположены, но и от того, каков будет их природы.

Следовало бы начать с вопроса: в чем объективная возможность самого образа. И надо сказать, что эта возможность становится таковой только тогда, когда в какой-то степени она уже есть как действительность. В данном случае нашему восприятию образа соответствует образ действительности, окружающейся в образе, сама по себе остается ее яркими. Они для М. Шагиняна есть данное, в то время как образ зависит не только от того, как они будут расположены, но и от того, каков будет их природы.

И это дало возможность воспринимать отдельные образы до этого не связанные с общими предметами в связи друг с другом, как одно целое. Простой образ здесь перерос в новое качество и теперь выражает собой не отдельные предметы, а и не просто суммы их, а общую тенденцию, линию их развития. Поэтому образ становится не отдельными предметами, орудием их познания.

Здесь образ обрашается, он создается сквозь отдельные черты, существенные в том или иной мере, улавливается первым контуром образа, который в главном, в основном — и потому не полно — выражает уловимые моменты развития. Этот первый контур есть как бы абстракция, образованная путем удаления от конкретного ко все более общему.

Надо думать, прежде чем создать образ Плюшкина, Гоголь не могли видеть запахи, опущенные салов, под крытых плащами барских домов, в много, много таких фигур, про которых, прежде чем узнат их, он сам, как его герой Чичиков, долго думал: «Нет, овса, нет».

Начинается переносится всего одной капелькой в сотни становятся та-

кой с приобретением к 99 всему одному единому. И возможно, услыхав всего только одну фразу — Плюшкина — или увидев платье «совершенного неизгладимого», похожее очень на женские катоны, Гоголь сразу понял окружку Плюшкина. Но, как видят читатель, это «корыто» не такое, как оно представляется М. Шагинян, утверждаящей: «обычно такие образы даются в творчестве бесконечно, особенно в больших художниках». Для подкрепления этой мысли можно сослаться и на Тургенева. Последний долго искал образ Базарова. Однако образ не приходил. И стояло ему встретиться с доктором, отчаявшимся разностью в отношении к окружющим, о чём пишет сам Тургенев, чтобы все разбралось в этом. Резкость обличения все и стала ведущим мотивом дальнейшего обличения. Она стала не только компасом движения к образу, но и инструментом сортировки и отбора в бесконечном типообразии явления жизни. Здесь

А, во-вторых, — если опять-таки не остроить на счет «экзекуторов» и

не отнести его в сторону,

точнее, не отнести его в сторону,

</div

ФЕВРАЛЬ

Отрывок из поэмы «Февраль»

Поэма Багрицкого «Февраль» — последняя работа поэта. Поэма эта осталась неотделанной. Песни, которые Багрицкий предполагал вставить в нее, так и не были написаны.

Тема «Февраля» та же, что и в «Последней ночи»: крушение фантастического, нервального и романтического личности в огне революционной эпохи. Мы печатаем отрывок из поэмы, полностью печатающийся в вымпеле «Эдуард Багрицкий» (издательство «Советский Писатель»).

Вот я снова на этой земле. Я снова прохожу под платанами молодыми, Снова даты бегают у скамеек, Снова море лежит в пароходном дыме...

Вольноопределяющийся, в погонах, Обтинутых разноцветным шнуром, — Это я — воля, герой Стохада,

Богатыри Мазуроки болот, понурою Ковызывающие в сапогах корылья, В налезающей на затылок шапке...

Я приехал в отпуск, чтоб каждой

Нежной клюкеткой принести дамам жены

Ветра, спутанного лицом, Голубиную теплоту дыханья

Загородных ребят, перебрежный пляж

На песке и солнечную нежность моря...

Я привык уже во всему: оттуда,

Откуда я вырвался, мы обычны

Казался мир, прожектенный снарядом,

Пройденный штыком, окруженный тумом

Колючий проволокой, постыло...

Вонзящий поток и кислым хлебом...

Я должен лежать в этом мире углов, Где на гвоздике чистое пополнение

Лежит матерью, подол крана — мыло,

И сопли, бегущие сквозь окошко,

Не обнажает лица, как угорь...

Вот снова я на бульваре. Снова

Иван-да-Марья цветет на клумбах,

Человек в морской фуражке читает

Книгу в малиновом переплете;

Девочка в юбке коленя

Играет в дылбоя; не блажне

Кричит полупуг в серебряной клюкетке,

И я теперь среди них, как рамки:

Захочу — сижу, захочу — гуляю,

Захочу (если нет вбитых офицера) —

Закурю, наблюдая, как выется плав-

кий

Лист над склонками, как петают

Ласточки мимо часов упрям...

Самое главное совершилось

Ровно в четыре. Из-за клюкета

Появится девушка в пиджаке,

Раскинувшись, положит руки на рамки,

Все будто распахнуты дыханье

Прохладного моря, лучам и птицам,

В зеленом платье из невесомой

Шерсти, она вспыхивает, как в темне,

В кружевные листьев и в кольяхине

Цветов и бабочек над газоном.

Домой из гимназии... вместе с ней,

Откуда-то из позабытого мира,

Кружка, летят занавеси перемены,

Шпотят подруг, антиподы с твягдри

И толот учителя в коридоре,

Пред ней платаны поют а сяди

Ех, хряка, провожает море...

Я никогда не любил, как надо...

Маленький кудеский мальчик,

Я, вероятно, один в округе

Трепетал по ночам от стального ветра.

Я как Сомнамбула, бред по рельсам

На тихие дачи, где в колючках

Крыжовника или дикой ягоды

Шелестят ягоды и шипят гадости,

А самой чаще, куда не влезешь,

Шныряет красноголовка птичка

С песенной тоенкой, как булавка,

Прозеванная клюкеткой глазами...

Как я, рожденный от кудес,

Обрезанный на седьмые сутки.

Стал птицеловом — я сам не знаю!

Кротко Майн-Рида любил я Брэмса!

Руки мои дрожали от страха,

Когда наугад раскрывал я книгу,

И на меня со страниц летели

Птицы, подобные странным буквам,

Саблям и трубам, шарах и ромбам.

Видно, сознание Стрельца застыло

Над чернотой моего жилища,

Над простирающимися впереди

Скульптур монитов, над бородачами

На фотографиях семейных...

АЛЬМАНАХ

, ЭДУАРД

БАГРИЦКИЙ

В изд-ве «Советский писатель», в

марте — апреле с.г., выйдет из пе-

чати большой альманах, посвящен-

ный З. Г. Багрицкому.

В альманахе, кроме 14 авторских

стихотворений З. Г. Багрицкого,

относящихся к разным периодам его

творчества — поэт, красный пар-

тизан, рыболов, редактор, охотник,

руководитель поэтического молодеж-

ного периода.

Воспоминаниям предшествует кри-

тическая статья Д. Мирского «Твор-

ческий путь Багрицкого».

Альманах иллюстрирован рисунками З. Г. Багрицкого; здесь же помещен ряд

редких его фотографий, автографов

и т. п.

Выходит альманах под редакцией

Вл. Нарбута.

СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Э. БАГРИЦКОГО

В конце текущего года Гослитиз-

издат выпустит первое собрание

сочинений Э. Г. Багрицкого, выходя-

щее под редакцией Л. Г. Багрицкой.

Это собрание более чем удивляет

однотомники, просмотренный в гран-

ках самими Багрицкими.

Сейчас ведется большая работа по

подготовке собрания сочинений Э. Г.

и печати (сборка текстов, их вариан-

ты, примечания и комментарии и т. д.).

Параллельно разыскиваются неиз-

вестные или затерянные произведения

Багрицкого (в числе их пропав-

шая еще при жизни Э. Г. поэма

«Харчевня»).

Октябрь освободил Багрицкого,

разрушив весь мир, который

принципиализировал его своим

объятием и дав ему возможность

реальной и полноценной жизни.

Октябрь был воспринят Багрицким

уже всеобщей рабоческой револю-

ции, отныне как глобальная моноп-

ольное право на полную жизнь.

Сейчас ведется большая работа по

подготовке собрания сочинений Э. Г.

и печати (сборка текстов, их вариан-

ты, примечания и комментарии и т. д.).

Параллельно разыскиваются неиз-

вестные или затерянные произведения

Багрицкого (в числе их пропав-

шая еще при жизни Э. Г. поэма

«Харчевня»).

Сейчас ведется большая работа по

подготовке собрания сочинений Э. Г.

и печати (сборка текстов, их вариан-

ты, примечания и комментарии и т. д.).

Параллельно разыскиваются неиз-

вестные или затерянные произведения

Багрицкого (в числе их пропав-

шая еще при жизни Э. Г. поэма

«Харчевня»).

Сейчас ведется большая работа по

подготовке собрания сочинений Э. Г.

и печати (сборка текстов, их вариан-

ты, примечания и комментарии и т. д.).

Параллельно разыскиваются неиз-

вестные или затерянные произведения

Багрицкого (в числе их пропав-

шая еще при жизни Э. Г. поэма

«Харчевня»).

Сейчас ведется большая работа по

подготовке собрания сочинений Э. Г.

и печати (сборка текстов, их вариан-

ты, примечания и комментарии и т. д.).

Параллельно разыскиваются неиз-

вестные или затерянные произведения

Багрицкого (в числе их пропав-

ВЗАЙМНАЯ САМОПРОВЕРКА

При каждой встрече писателя с читательской аудиторией происходит как бы взаимная «самопроверка». Писатели проверяют достоверность своего творчества до читателя, проверяют свои идеи, свои мысли — насколько они соответствуют с мыслями, вдохновляющими и настроениями широких масс, т. е. читателей.

Читатель со своей стороны проверяет впечатление от прочитанного, хочет, чтобы писателям ему доказали то, что он не мог понять, осмысльить, почувствовать в самом художественном произведении.

Такого рода встреча писателя Юрия Олеша со своими читателями прошла 11 февраля в Коммунистическом зале клуба И МГУ. Олеша отчитывалась перед читателем не докладом, нет! Он читал «Страгинью» и прочитал весь. И то, с каким вниманием аудитория слушала Олешу, свидетельствует о большом и серьезном интересе к его творчеству. Аудитория вообще была настроена серьезно. Этот вечер не был похож на собрание случайно встретившихся людей, которые хотят, главным образом, чтобы было весело. Никаких «аттракционов», мы хотим разговаривать серьезно, — вот каким было настроение присутствующих.

Вопросов серьезных было очень много, и настолько серьезных, что Олеша не смог на них сразу дать ответ.

Чем же в основном интересовались читатели? Что изволят в творчестве такого талантливого писателя, как Олеша?

Читатели интересуются, почему темораль и «нормы поведения», которые Олеша выдвигает для нового человека, не соответствуют той постановке этих вопросов, которую привнесла одна молодежь считать своей, коммунистической.

Их интересует, почему героями «Строгого юноши» Маша — не типично советская женщина, работавшая, а женщина, которая с успехом может фигурировать в любом буржуазном романе. А ведь Олеша брал «чуть-чуть вперед», «почти при социализме», т. е. тогда, когда само существование такой женщины, как Маша, уже берется под сомнение.

Их интересует, почему в «моральном комплексе» комсомольца Олешей берутся не основные черты нового человека, а то, что может быть, а может и не быть.

Читатели говорят, что «нормы поведения» нового человека — это не что-то стадарное, как этоируется Олеше, в диалектически меняющейся с наметением самой жизни, «И устав комсомола не вечен, а меняется. Меняется тогда, когда живет пред явления новые требования в комсомоле», — сказала одна комсомолка в ответ Олеше.

Почти все высступления на этом вечере свидетельствовали о том, насколько вдумчиво и серьезно думают олицы молодежи над темами проблемами, которые пытаются ставить Олеша, и как по-иному разрешает она эти проблемы.

«Мы понимаем все, что понимаете вы, и даже чуть-чуть больше», — казалось говорили выступающие. Об этом «чуть-чуть больше» и следует подумать Олеше.

А.

Король Лир — засл. арт. Михаил

Когда смотришь этот спектакль, думаешь о том, что так именно выглядела эта замечательная трагедия 200 лет назад на сцене шекспировского театра «Любекс». Кто любит Шекспира, пусть пойдет на этот спектакль, там откроются ему многие шекспировские тайны. Тайны, которые ускользают в чтении Шекспира. Тайны, которые становятся прятаться многочисленными постановками «Короля Лира».

Мы знаем у Шекспира отрывочные

статьи

и огромные характеристики и столкновения этих страстей и характеров, рождавших эти громовые эмоции, торжество которых пленяет человечество. Но

кроме этих страстей и характеров было еще одно чудесное шекспировское качество, которое становится видимым в этом спектакле. Перед

Шекспиром всегда в исполнении

его интерпретаторов и постановщиков. Они считали его чесноком грозды для сцены. Они боялись, что зрительские первые не смогут выдержать гигантской силы шекспировского гения. Они скривляли Шекспира, они укоризняли Шекспира, они укоризняли Гамлета. Гамлет у них вступал на престол и женился на Офелии. Королева не умирала, оставалась жить и Лир. Все кончалось благополучно. Был отвлеченный мир шекспировских страстей как некая величественная, эстетическая картина человеческой жизни?

Но они скривляли то, что эта картина была окутана густыми, мрачными облаками раздумья, что она выражала собой жестокие поиски истины, которые не могли увенчаться успехом. В этом трагическом короле не только шекспировский плюс, но и трагедии самого автора, самого Шекспира.

Страшная, бесконечная, непрерывная средневековая ночь, из которой в мучительных конвульсиях хочет выбраться человечество, — вот что открылось нам в спектакле ГОССЕТ «Король Лир».

Радлов, поставивший трагедию с большим проникновением в мир шекспировской эпохи, не побоялся, что не выдержат зрительские первы. Он дал все страсти, все ужасы, — не побоялся этого. В спектакле выкальзывают глаза князя, и становятся понятны образ Шекспира о глазах Глостера, что они «упали и покатились, как звезды». Радлов дает все убийства. Он дает страшную картину безумия Лира в стени. Не просто сумасшедшая Лира, но безумие, возрастающее с каждым минутой, охватывающее всех участников, доходящее до апотеоза, так что становится страшно в зрительном зале. Радлов этого не боится. И правильно. Здесь нет Гинзбурга — тауда, пугающего мелодрамы оттого,

„КОРОЛЬ ЛИР“ В ГОССЕТ

что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовало понималась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Шут. — засл. арт. Зузкин.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил знаменитого Шредера за то, что он вычеркнул начало «Короля Лира». Лир сам виноват в том, что случилось, он нелепостью обманулся с Корделией, — в него, прохолмленного, авантюристом, незаконного сына. Поэтому он — не мелодраматический злодей по характеру эпохи, который имеет оправдание. Все виноваты. Гете дал в этом произведении, быть может, первый образец большого общественного романа, в котором автор поднимает важнейшие проблемы, выдвинувшие его эпоху, тот тип романа, ту его всеобъемлющую форму, которая сохраняет свое значение до настоящего времени.

Перевод романа Г. А. Рачинского. Редакция и примечания М. И. Петровского.

Что во донесу сына выкальзывают глаза отцу.

Здесь нет вообще той семейной трагедии в постановке «Лиры», когда зритель гневается на неблагодарных детей и сопоставляет печальную судьбу несчастного отца. Так именовалась эта трагедия. Даже Гете хвалил